Матушка Бу легонько вытерла глаза. На самом деле, она не плакала, но должна была притворяться. Она сказала:

-Если наша барышня здесь и смотрит на шицзы, который в течение Нового года все еще ходит вечером в кабинет, чтобы усердно работать, она, конечно, будет жалеть своего сына.

У Гао Ран вдруг возникло дурное предчувствие. В глубине души она насторожилась и небрежно поддакнула:

-Конечно, здоровье шицзы важнее всего.

- Да, мы, женщины, не можем разделить бремя шицзы с делами двора и можем только больше заботиться о его повседневных нуждах. В эти несколько дней супруга шицзы, должно быть, готовилась к Новому году, и я боюсь, что она была слишком занята, чтобы тратить время на другие дела, и шицзы весь день упорно работал и учился один. Этая старая рабыня пришла сюда, чтобы сказать супруге шицзы, что Юнхуэй уже пошла прислуживать и сегодня вечером не вернется на задний двор. Супруге шицзы не нужно беспокоиться о благополучии учебы. Юнхуэй отвечает за это, так что вам, просто, нужно сосредоточиться на восстановлении сил.

Пока Гао Ран слушала, ее гнев внезапно поднялся до самой макушки. Юнхуэй осмеливается вместо нее отдавать приказы позаботиться о повседневных нуждах Гу Чэн Яо? Более того, Гу Чэн Яо ушел в кабинет в это время, вечером он вряд ли придет спать, и Юнхуэй тоже в кабинете...

Гао Ран с трудом могла усидеть на месте, вероятно, ни одна женщина не смогла бы сидеть и смотреть, как другая молодая женщина проводит ночь наедине с ее мужем. Матушка Бу тоже заметила недовольство Гао Ран, она тут же опустила лицо и сказала:

-Супруга шицзы, эта старая рабыня-слуга, оставленная ванфэй Шэнь, которой ванфэй на смертном одре сказала присматривать за шицзы. А Юнхуэй - еще один заботливый человек, который следовал за Шицзи в течение десяти лет. Она пришла, чтобы позаботиться о шицзы, и это старое тело почувствовало облегчение. Более того, супруга шицзы не родила шицзы ни сына, ни дочери, и она уже давно пребывала в буддийском зале. Беременность становится все более неблагоприятной с возрастом. Супруга шицзы должна позаботиться о себе и поскоре дать потомство, а не ревновать.

Ревность женщине не к лицу. Матушка Бу даже забыла о ванфэй Шэнь и вспомнила о ревности, одном из семи поводов к разводу. Гао Ран смогла только глубоко вздохнуть и сказать:

-Я не такой уж неразумный человек, матушка делает это для моего же блага, я понимаю.

Матушка Бу улыбнулась и удовлетворенно сказала:

-Хорошо, что супруга шицзы понимает кропотливые усилия этой старой рабыни. Эта старая рабыня делает это, чтобы супруга шицзы могла успеть позаботиться о ее здоровье, а не задерживаться с рождением потомства. Добрые намерения этой старой рабыни, супругой шицзы, не должны быть неверно поняты.

Благие намерения? Если у тебя есть добрые намерения, ты бы дверь стерегла, а затем, узнав, что шицзы ушел, перехватила бы ее и послала другого человека в комнату?

Гао Ран была исполнена презрения и чуть было не произнесла проклятие, но, когда она подумала о судьбе Гао Си, она, наконец, сдержалась и выдавила нежную улыбку злой рабыне, которая рушила ее брак у нее на глазах.

Матушка Бу была очень довольна поведением Гао Ран. Она задержалась на некоторое время и, увидев, что Гао Ран не проявляет никаких признаков вспыльчивости или даже не выгоняет ее, с удовлетворением ушла.

После того, как матушка Бу ушла, матушка Тао и Нин Фу поспешно собрались вокруг и, бормоча, спросили:

-Супруга шицзы, в последние несколько дней Юнхуэй только днем служит в кабинете. Но теперь она так обнаглела, что намерена служить и в полночь. Матушка Бу все еще смотрит во внутренний двор, что же делать?

Намерения матушки Бу были всем очевидны и известны. Она глубоко вздохнула и долго думала, прежде чем сказать:

-Раз матушка Бу так тревожится, видимо, шицзы не принял Юнхуэй. Поскольку шицзы этого не сделал, должно быть, они готовят тайный план. Нам не нужно беспокоиться, давайте подождем и посмотрим, что будет дальше.

Нин Фу и остальные согласились.

Сегодня Гао Ран пережила многое и очень утомилась. Это была усталость не физическая, но она распространялась из глубины ее сердца и постепенно захлестывала все тело. Она надеялась, что, позвав свою семью, сможет взять под контроль Линь Вэй Си, но, в конце концов, она потеряла своих приданых служанок, и, когда она, измученная вернулась в дом ночью, ей сказали, что Гу Чэн Яо не вернется, а Юнхуэй сидит с ним в кабинете.

Видя, как мрачна Гао Ран, Нин Фу и остальные тактично отступили. Когда они уже собирались выйти из комнаты, сзади внезапно раздался голос Гао Ран:

-Матушка Тао, скажи на малой кухне, чтобы мне приготовили на ночь миску супа цзитан.

Матушка Тао остановились.

Это было неприлично для старшего сына шу, родившегося до того, как законная жена родила сына. Она также не могла помешать мужу благосклонно относиться к наложнице, поэтому ей оставалось только отвести наложницу в комнату, чтобы налить ей суп цзитан. Надлежащая защита интересов законной жены и законного сына. Гао Ран мыслила ясно и упорядоченно, но на самом деле она тоже запаниковала.

В кабинете за пределами сада Цинсун пламя свечи подпрыгнуло. Гу Чэн Яо собирался отодвинуть абажур, который уже был поднят. Юн Хуэй взялась за ножницы, чтобы срезать сгоревший фитиль, и комната вновь ярко засияла. После того, как все это было сделано, она как следует закрепила абажур и улыбнулась Гу Чэн Яо.

-Шицзы.

Гу Чэн Яо был немного удивлен:

-Что ты тут делаешь?

Юнхуэй сказала:

-Даймао неосторожен и любит дремать. Если он заснет ночью, то не сможет принести шицзы горячей воды, если шицзы захочется пить. Я думаю, что он груб, поэтому я отослала его обратно.

Юнхуэй заменила бедного Даймао, беспокоясь о том, что Даймао не может хорошо служить, это одно, но самая главная причина крылась в ее эгоистичных мотивах.

Янь Ван очень строго управлял кабинетом Гу Чэн Яо. Слуги в кабинете всегда были молодыми, но в эти несколько дней Гао Ран отсутствовала. Юнхуэй расхрабрилась и отправилась в кабинет днем, Гу Чэн Яо не прогнал ее.

Сегодня она видела, как Гу Чэн Яо шел во внешний двор, и ей показалось, что ночью он уже не вернется. Юнхуэй почувствовала, что это была прекрасная возможность и быстро попросила матушку Бу присмотреть за супругой шицзы, а сама сунула Даймао кусок серебра и отправила его пить.

Затем она подошла, чтобы помочь Гу Чэн Яо заниматься и развести чернила. Хотя это называлось кабинетом, здесь были и кровать, и многое другое, и Юнхуэй думала уже не только о компании в обучении.

Гу Чэн Яо почувствовал, что что-то не так, когда услышал это. В конце концов, он был дважды женат и не был неопытным молодым человеком. Конечно, он знал, что крылось под служением

молодому господину ночью. Хотя отец строго контролировал его обучение, по мере того, как Гу Чэн Яо становился старше, контроль отца постепенно ослабевал, особенно в вопросах отношений между мужчиной и женщиной.

Если бы Гу Чэн Яо было все еще пятнадцать лет, Юнхуэй последовала бы за ним в кабинет, чтобы служить, независимо от того, позволит ли Гу Чэн Яо это или нет, но она не смогла бы пройти мимо Янь Вана. Но теперь, когда его сын стал старше, Гу Хуэй Янь не мог продолжать заботиться о некоторых вещах. Видя, что Гу Чэн Яо ничего не говорит, он подумал, что это распоряжение Гу Чэн Яо. Гу Хуэй Янь тоже закрыл на это глаза, делая вид, что ничего не знает.

Гу Чэн Яо посмотрел на женщину перед собой, ее волосы были намеренно завиты, открывая белую и нежную шею, а в ушах висели жемчужные серьги. Кожа женщины под лампой казалась гораздо нежнее, словно фарфоровая глазурь. Юнхуэй нельзя было назвать сногсшибательной, но она служила Гу Чэн Яо более десяти лет и была ему, как старшая сестра с тех пор, как он был ребенком. Теперь, когда она так оделась, она казалась более женственной.

Красные рукава ароматно пахли, прекрасная леди интересовала его, и она была старшей сестрой, с которой он ладил с детства. Увы, наверное, немногие могли отказаться об этого. Но в этот момент Гу Чэн Яо посмотрел на Юнхуэй и вспомнил о прошлом.

Тогда еще была жива Гао Си.

http://tl.rulate.ru/book/45860/1399293